

Wolfgang Streeck
Gekaufte Zeit.
Die vertagte Krise
des demokratischen
Kapitalismus

Frankfurter

Adorno-Vorlesungen

2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. ТЕОРИЯ КРИЗИСА ТОГДА И СЕЙЧАС	7
ГЛАВА 1. ОТ КРИЗИСА ЛЕГИТИМАЦИИ К ФИСКАЛЬНОМУ КРИЗИСУ	23
Кризис нового типа	29
Две неожиданности для теории кризиса	36
Другой кризис легитимации и конец послевоенного мира	48
Долгий разворот: от послевоенного капитализма к неолиберализму	56
Купленное время	63
ГЛАВА 2. НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ РЕФОРМА: ОТ НАЛОГОВОГО ГОСУДАРСТВА К ГОСУДАРСТВУ ДОЛГОВ	81
Финансовый кризис из-за краха демократии?	81
Капитализм и демократия в неолиберальной революции	86
Экскурс: капитализм и демократия	92
Монстр изголодался!	101
Кризис налогового государства	109
От государства налогов к государству долгов	112
Государство долгов и распределение	117
Политика государства долгов	121
Долговая политика как международная финансовая дипломатия	137
ГЛАВА 3. ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА КОНСОЛИДАЦИИ: НЕОЛИБЕРАЛИЗМ В ЕВРОПЕ	146
Интеграция и либерализация	146

Европейский союз как двигатель либерализации154
Институциональные изменения:	
от Кейнса к Хайеку163
Государство консолидации как европейский многоуровневый режим165
Фискальная консолидация как способ переустройства государства171
Проблемы роста: назад в будущее183
Экскурс: региональные программы роста193
Стратегический потенциал европейского государства консолидации	209
Сопrotивление в международном государстве консолидации	222
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЧТО ДАЛЬШЕ?	232
Что теперь?	232
Капитализм или демократия	242
Евро как «легкомысленный эксперимент»	244
Демократия в еврозоне?	248
Хвала девальвации	254
За европейский Бреттон-Вудс	259
Выиграть время	263
Библиография	266

Введение

Теория кризиса тогда и сейчас

ЭТА книга — расширенная версия лекционного курса, прочитанного мной в июне 2012 г. на Франкфуртских чтениях памяти Теодора Адорно (*Adorno-Vorlesungen*), т.е. спустя почти 40 лет после окончания факультета социологии здесь же, во Франкфурте¹. Нельзя сказать, что я был учеником Адорно. Я посещал некоторые его лекции и семинары, но не слишком многое понял тогда; так уж оно

¹ Я благодарю Институт социальных исследований и его директора Акселя Хоннета, а также издательство «Зуркамп» («Surkamp Verlag») за приглашение и возможность сформулировать и систематизировать мои идеи по данной тематике; сотрудника института Сидонию Блетлер, организовавшую мои выступления во Франкфурте и сопровождавшую меня во время моего пребывания там; Еву Гильмер за ее внимательность и профессиональную редактуру моей рукописи. Я хотел бы поблагодарить своих студентов и ассистентов в кельском Институте социальных исследований им. Макса Планка, помогавших мне при подборе различных материалов и данных для выступлений, — прежде всего Аннину Ассман, Лею Эльссесер, Лукаса Хаферта, Даниэля Мертенса и Филиппа Мертенса. Особо хотелось бы отметить работу Леи Эсслер, которая подготовила многочисленные графики, иллюстрирующие мои тезисы. Без моих коллег по кельскому институту — Йенса Беккерта, Ренаты Майнц, Фрица Шарпфа, Мартина Хёпнера, Ариане Леердерц, Армина Шефера — я не сделал бы и половины из того, что получилось. Разумеется, если мной было что-то неправильно понято, то вся ответственность за это полностью лежит на мне.

было принято в те времена, никто не спорил. И только позднее — в сущности, случайно — я вдруг осознал, как много я упустил. И моим главным воспоминанием об Адорно осталась глубочайшая серьезность, с которой он выполнял свою работу, — резко контрастирующая с равнодушием, столь часто сопровождающим нынешние социологические штудии после всех десятилетий их профессионализации.

К счастью, моей задачей не является оценить значение работ Адорно. К тому же я намеренно воздерживался от попыток проследить взаимосвязи между своими умозаключениями и интеллектуальным наследием Адорно; с моей стороны это выглядело бы слишком нарочито и самонадеянно. В случае если все-таки сходства и обнаруживаются, то они имеют исключительно обобщенный характер. Среди них и мой интуитивный отказ верить в то, что любой кризис непременно закончится хорошо, — такой же интуитивной позиции, как мне кажется, придерживался и Адорно. Он не был склонен к «функционалистской» трактовке безопасности, приверженцем которой был, например, Талкотт Парсонс; Адорно не стал бы уверять, что рано или поздно все само собой уравнивается. Он никогда не согласился бы с пониманием базового доверия по версии Фридриха Гельдерлина — «Но там, где угроза, растет и спаситель»². В этом точка зрения Адорно близка и мне. Социальный порядок чаще всего хрупок и нестабилен, разного рода неприятные сюрпризы могут случиться в любой момент. Я не согласен с теми, кто требует при описании проблемы сразу же — наряду с анализом — предлагать и ее решение³; в данной работе

² Из поэмы «Патмос», перевод В. Куприянова («Wo aber Gefahr ist, wächst das Rettende auch»). — *Примеч. пер.*

³ Экономисты обычно требуют этого от своих коллег-экономистов, утверждая, что отсутствие предписаний по лечению ставит под сомнение и сам диагноз. Взять, к примеру, так называемый «спор экономистов» о кризисе евро, разбушевавшийся в немецких газетах летом 2012 г. Один

я старательно уклонялся подобного предписания, хотя в конце книги мною и предложены некоторые действия (не вполне реалистичные) применительно к отдельным аспектам кризиса. Проблемы могут не иметь решения — по крайней мере, здесь и сейчас. И если кто-то осуждающе покачает головой и спросит, а где же тогда осталось все «позитивное», я обратился бы к Адорно — мастер меткого слова, он, без сомнения, ответил бы так: а что, если вообще нет ничего позитивного?

В моей книге рассматривается финансовый и фискальный кризис демократического капитализма настоящего времени в свете кризисных теорий Франкфуртской школы конца 1960-х — начала 1970-х годов, т.е. периода, когда Адорно во Франкфурте преподавал, а я, соответственно, учился. Эти теории, в большей или меньшей степени использовавшие элементы марксистской традиции, представляли собой попытку осмыслить зарождающиеся радикальные изменения в политической экономике послевоенного времени как часть более общих процессов, затрагивающих общество в целом. Предлагаемые объяснения были далеки от единообразия, часто оставались лишь предварительными набросками, которые, как и следовало ожидать, по мере развития событий претерпевали изменения, иногда даже незаметно для авторов. Оборачиваясь к рассуждениям того времени, мы обнаруживаем бросающееся в глаза упорство, с каким

из подписантов «евроскептического» письма, адресованного «дорогим согражданам», несколько дней спустя в ответ на небывалое общественное возмущение поставил свою подпись под противоположным по духу обращением, объяснив свой поступок в одной из английских газет: «Я убежден, что экономисты обязаны предлагать конструктивные решения. Если вы профессиональный пожарный, недостаточно просто покричать на огонь» (см.: *Richter W.* Is Europe ready to give up national autonomy for the sake of the euro? // *The Guardian*. 15 July 2012. <<http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2012/jul/15/europe-economists-letters-national-autonomy>>). Есть много пожаров, которые нельзя или пока нельзя потушить.

авторы отстаивали незначительные различия внутри одной «теоретической семьи», которые сегодня кажутся совершенно незначительными или вообще непонятными. Поэтому в дальнейшем не будем останавливаться на том, кто в тот момент был прав в большей степени, а кто в меньшей.

Кроме того, теоретические построения франкфуртских лет доказывают, насколько глубоко социальное знание переплетено со своей эпохой. Тем не менее (или как раз потому-то) при рассмотрении текущих событий имеет смысл обратиться к кризисным теориям «позднего капитализма» 1970-х годов. Мы десятилетиями забывали об этом или списывали как несущественное, а сегодня снова вспомнили и можем говорить об этом вслух: экономическое и общественное устройство богатых демократических стран по-прежнему остается капиталистическим, и понять его можно — если это вообще возможно — только с помощью теории капитализма. Оглядываясь назад, мы можем различить то, чего тогда увидеть *не могли* (поскольку оно *было еще* или *стало уже* само собой разумеющимся) либо *не хотели* (поскольку оно противоречило политическому курсу). Если, несмотря на все усилия, теоретический разум так и не сумел распознать важнейшие черты реального мира, не говоря уже о том, чтобы предсказать грядущее, это может служить нам напоминанием о том, что будущее общества открыто, а история непредсказуема, — и этот факт социальные науки еще не вполне осознали⁴. С другой стороны, многие великие изменения, происходившие в прошлом, нередко оказывались забыты, но угадываются в настоящее время. Хотя нам и не стоит полагаться на статическую трактовку мира, общественная формация может десятилетиями оставаться тождественной самой себе, если

⁴ Это верно в той степени, в какой эти науки полагаются на номотетический метод и открыто заявляют о своей ему приверженности. Впрочем, франкфуртскую социологию в этом упрекнуть нельзя.

видеть в ней развивающийся процесс, заключающий постепенно эволюционирующие структуры; логику этого процесса можно если не предсказать, то, как минимум, объяснить ретроспективно.

Я анализирую финансовый и фискальный кризис современного капитализма как часть непрерывного процесса развития общества в целом. Отправная точка — конец 1960-х годов, но я описываю процесс с сегодняшних позиций — как постепенный распад режима послевоенного демократического капитализма⁵. Как уже говорилось, мои рассуждения будут апеллировать к теоретической традиции того времени, я буду пытаться объяснить новые процессы в русле прежних, преимущественно марксистских теоретических традиций. Некоторые из них возникли в ходе исследований, проводившихся в Институте социальных исследований, хотя сам Адорно не принимал в них непосредственного участия. Отличительной чертой теории кризиса Франкфуртской школы было эвристическое допущение о потенциальном конфликте между социальной жизнью, с одной стороны, и экономикой, подчиненной императиву увеличения стоимости и приращения капитала, — с другой, о конфликте, который в послевоенный период формирования демократического капитализма смягчался различными исторически обусловленными инструментами государственной политики. Социальные институты, особенно в сфере политики и экономики, таким образом, постоянно оказывались поводом для разногласий, оставаясь внутренне противоречивыми и неустойчивыми, обеспечивая весьма условное равновесие и опираясь на временные

⁵ Точка, в которой мы фиксируем начало процесса, всегда в большей или меньшей степени произвольна, так как в истории все связано и имеет свою предысторию. Тем не менее можно выделить выраженные разрывы и периоды формирования. То, что 1970-е годы маркируются как конец одной эпохи и начало другой, стало уже общим местом, и у меня нет никаких причин сомневаться в этом.

компромиссы между фундаментально несопоставимыми социальными системами и деятельностными установками. Следуя политико-экономической традиции, «экономика общества» понималась как социальная система (а не только как система сугубо техническая или подчиненная законам природы), образованная интеракциями, подкрепленными властью и совершающимися между сторонами с различными интересами и ресурсами.

Используя теории 1970-х годов и предпринимая попытку актуализировать их в свете последующих четырех десятилетий капитализма, я рассматриваю нынешний кризис демократического капитализма в динамической перспективе, свойственной последовательному развитию [Streeck, 2010]. В том, что это правильный способ заниматься макросоциологией или политической экономией, я имел возможность убедиться за годы изучения целого ряда социальных областей в качестве социолога и политолога⁶. Социальные науки более всего сильны в анализе процессов, а не фиксированных состояний, или, точнее, фиксированные состояния связаны между собой и с процессами. Теории, в которых структуры или события рассматриваются как уникальные явления, оторванные от предшествующих структур и событий, могут приводить к глубочайшим заблуждениям. Все социальное разворачивается во времени, выявляется со временем и обнаруживает свою схожесть с ним и в нем. То, что мы видим сегодня, мы можем понять только тогда, когда знаем, как это выглядело вчера и в каком направлении движется. Все наблюдаемое всегда следует некоему руслу развития. Именно поэтому в трех ключевых главах этой книги так много диаграмм и стилизованных нарративов, показывающих динамику исторических процессов.

⁶ См. мою работу о либерализации немецкой политической экономии начиная с 1970-х годов [Streeck, 2009b]. Об анализе капитализма как процессе развития см.: [Streeck, 2011c].

Важно не только то, что все требует времени, но и то, *когда и где* это происходит. Пространство — социальный контекст от расположенного по соседству — не менее важно для общества, чем время, и речь идет не только о хронологическом времени, но и об историческом⁷. Социальное знание становится подлинно научным только тогда, когда оно выстроено относительно временной и пространственной шкалы. Кризис, о котором пойдет здесь речь, — кризис капитализма богатых демократий западного мира, и этот контекст сформировался после того, как мир пережил Великую депрессию, восстановление капитализма и либеральных демократий после Второй мировой войны, крушение послевоенного уклада в 1970-е годы, резкие колебания цен на нефть («нефтяные кризисы»), инфляцию и т.д. Этот кризис имеет последствия и для других обществ — нынешних и будущих, однако, какими именно они окажутся, будет обусловлено конкретными действиями, характерными для соответствующего исторического периода, и объяснено с помощью эмпирических исследований. Конечно, наши обобщенные знания о политических и экономических кризисах будут полезны; но не менее важно выделить специфические особенности *данного* кризиса, неизвестные нам прежде, и предложить их объяснение, исходя из временного и пространственного контекста.

Использование фактора времени в наших размышлениях о нынешнем финансовом и фискальном кризисе оказалось полезным во многих отношениях. Прежде всего, исторический контекст позволяет в перспективе оценить национальные различия между обществами демократического капитализма, зафиксированные в социальных исследованиях, и выделить основные модели, т.е. «разно-

⁷ Как и в концепции «эффекта колеи» [Pierson, 2000; 2004].

видности капитализма» [Hall, Soskice, 2001]⁸. Если рассматривать кризис как промежуточный этап в протяженной последовательности развития, то оказывается, что параллели и взаимодействия между капиталистическими странами существенно перевешивают институциональные и экономические различия. В основе этого, с поправкой на местные модификации, лежит общая динамика, даже для столь разных стран, как, например, Швеция и США. Рассмотрение во временной перспективе делает особенно очевидной ведущую роль крупнейшей и самой капиталистической из всех капиталистических стран — Соединенных Штатов Америки. Все решения, задававшие направление движения капиталистических демократий, исходили отсюда: отказ от Бреттон-Вудской системы и инфляции, возникновение бюджетного дефицита в результате налогового сопротивления и снижения налогов, увеличение долгового финансирования деятельности государственных органов, волна налоговой консолидации 1990-х годов, дерегулирование частных финансовых рынков в рамках политики приватизации государственных функций и, разумеется, финансовый и фискальный кризис 2008 г.

Причинно-следственные связи и механизмы, интересующие социологов, также реализуются только во времени, причем если речь идет об адаптации и изменении институтов или общества в целом, то это могут быть только длительные периоды. Мы склонны недооценивать то, сколько времени требуется социальным факторам, чтобы произвести какой-то эффект. Если, поторопившись, начать допытываться, подтвердилась ли теория об изменении или завершении какой-либо общественной формации, велик риск, что она будет отвергнута еще до того, как ей представится шанс что-либо доказать. Хороший пример — работы по глобализации в рус-

⁸ Критику идеи о «разновидностях капитализма» см. в работах: [Streeck, 2009b; 2011b].

ле сравнительной политологии 1980—1990-х годов: основываясь на тогдашних эмпирических наблюдениях, их авторы пришли к выводу, что открытие границ национальных экономик вряд ли негативно отразится на государстве всеобщего благосостояния. Сегодня мы знаем: это был всего лишь вопрос времени, и изначально было неверным предполагать, что такие прочные и неповоротливые институты, как европейские социальные государства, всего через несколько лет экономической интернационализации исчезнут вовсе или же примут фундаментально иной облик. Институциональные изменения часто — вероятно, в большинстве случаев — происходят очень постепенно [Streeck, Thelen, 2005], и мы можем еще долго отмахиваться от них как от маргинальных даже тогда, когда это маргинальное уже давно превратилось в самую суть, определяющую всю динамику развития⁹.

Социальные и институциональные изменения происходят не только поэтапно и долго — к тому же что считать долгим? — но и постоянно наталкиваются на *противодействующие факторы*, которые могут замедлить их или изменить траекторию, преобразовать или вовсе остановить¹⁰.

⁹ См. работы по вопросу об изменениях «немецкой модели» трудовых отношений. Первые отклонения — еще в 1980-х годах — от системы установления заработной платы на едином для отрасли уровне можно было расценить как попытки приспособиться к меняющимся условиям и тем самым сохранить систему в целом. По мере распространения подобных тенденций все громче стали говорить о «дуализации» системы: дескать, старый режим остался прежним, просто утратил свой универсальный характер [Palier, Thelen, 2010]. Однако чем дальше заходит процесс, чем глубже маргинальные практики вгрызаются в самое ядро системы, тем ближе неизбежный момент, когда придется отказаться от прежней интерпретации перемен и описать процесс таким, каков он, собственно, и был с самого начала: как процесс либерализации социальной сферы, которая до той поры регулировалась политическими рычагами, а не рыночными силами [Hassel, 1999; Streeck, 2009b].

¹⁰ Понятие «противодействующие факторы» — ключевое в законе-тенденции Маркса о норме прибыли к понижению [Marx, 1966 (1894), S. 242 ff.] (рус. пер.: Маркс К. Капитал. Т. 3. Гл. 13). Этот «закон» не имеет безус-

Общества наблюдают за своими тенденциями и реагируют на них. При этом они демонстрируют такую изобретательность, что фантазиям обществоведов — даже тех из них, кто сумел верно распознать фундаментальные (и социально спорные) тенденции, — за ними не угнаться. Кризис позднего капитализма 1970-х годов не могли не заметить даже те, кого не интересовало его крушение или саморазрушительные процессы. Они, безусловно, чувствовали напряжение, в целом верно диагностированное теорией кризиса, и пытались на него реагировать. Оглядываясь назад сегодня, мы понимаем, что подобные реакции по сути являются успешными попытками — растянувшимися на добрых четыре десятилетия — *купить время за деньги*. «Купит время» — дословный перевод английского выражения *buying time*, что означает выиграть время, оттянуть предстоящее событие, чтобы попытаться его предотвратить. Для этого необязательно требуются деньги в буквальном смысле. Правда, в нашем случае это были именно деньги — огромные. Деньги — самый загадочный институт капиталистической современности — были нужны для того, чтобы снять напряжение от потенциально дестабилизирующих социальных конфликтов: сначала с помощью инфляции, потом — растущих государственных долгов, далее — путем расширения рынков частного кредитования и, наконец, сегодня — через покупку центральным банком государственных долгов и банковских

ловного детерминистского характера: более мощные силы, действующие в противоположном направлении, могут развернуть тенденцию нормы прибыли к понижению. Такое развитие впоследствии будет объяснено воздействием причины — той самой тенденции нормы к понижению, — которую невозможно наблюдать эмпирически, поскольку ее развитие сдерживается встречной силой. Именно эту идею подчеркивает Карл Полањи, рассуждая о «контрдвижении» общества против экспансии рынков и их распространения на «фиктивные товары» — труд, землю и капитал [Polanyi, 1957 (1944), Кар. 11] (рус. пер.: [Полањи, 2002, с. 147–151]).

обязательств. Как я покажу, «покупка времени», отсрочившая и растянувшая кризис демократического капитализма в послевоенные годы, тесно связана с эпохальным процессом капиталистического развития, который мы называем «финансализацией» [Krippner, 2011].

Если взять достаточно широкие временные рамки, то развитие нынешнего кризиса можно рассматривать как эволюционный и даже диалектический процесс¹¹. Иными словами, то, что в краткосрочной перспективе несколько раз подряд воспринималось как окончание кризиса (и в этом смысле, по сути, опровергало актуальную теорию кризиса), при оценке более длительной траектории оказывается лишь изменением формы проявления фундаментальных конфликтов и недостаточной внутренней интегрированности системы. Поверхностным, «косметическим» решениям требуется не больше десятилетия, чтобы превратиться в проблему — точнее, в старую проблему в новом обличье. Каждая победа над кризисом рано или поздно оборачивается прелюдией к новому кризису; сложные и непредвиденные повороты ее пути всякий раз скрывают тот факт, что все стабилизационные механизмы неизбежно временны, покуда логика капиталистического развития — «захват территорий» рынком [Lutz, 1984; Luxemburg, 1913] — сталкивается с логикой социальной жизни.

К числу моих не самых приятных воспоминаний о годах учебы во Франкфурте относится то, что на лекциях и семинарах, по крайней мере на мой взгляд, слишком много внимания уделялось «подходам» и слишком мало тому, что с их помощью можно исследовать. В бытность студентом мне слишком часто не хватало своего рода ощущения причастности к миру (*Welthaltigkeit*), которое, к примеру, можно найти в работе Райта Миллса «Властвующая элита» [Mills,

¹¹ О возрождении концепции диалектического изменения в современной институциональной теории см.: [Greif, 2006], а также [Greif, Laitin, 2004].

1956]. По сей день социология без историй, местного колорита, лишенная экзотики, а порой и абсурда политической жизни, очень быстро вызывает во мне скуку. Несмотря на то что я, таким образом, в теоретическом смысле путешествую налегке, очевидно, что моя тема — финансовый и фискальный кризис богатых капиталистических демократий — настоятельно требует обращения к традициям политической экономии. Потому что, если социологическая теория кризиса и политологическая теория демократии не научатся видеть в экономике арену социально-политических действий, они неизбежно попадут мимо цели — как и любая экономическая концепция в политике и обществе, упускающая из виду их актуальные капиталистические организационные формы. После событий 2008 г. никто не может понять политику и политические институты вне их привязки к рынкам и экономическим интересам, а также к классовой структуре и порождаемым ею конфликтам. Мне совершенно не важно, является ли такая постановка вопроса «марксистской» или «неомарксистской», — мы не будем это обсуждать. Однако результат исторического развития таков, что, пытаясь объяснить происходящее, мы больше не можем наверняка сказать, где заканчивается «не-марксизм» и начинается марксизм. Вообще, социальные науки — особенно направления, связанные с анализом обществ в целом и их развитием, — не могут обойтись без обращения к центральным элементам марксистских теорий, пусть даже и через оппозицию к ним¹². Во всяком случае, я убежден, что актуальное развитие

¹² Это, разумеется, особенно относится к тем, кто исповедует подход Макса Вебера, который всю свою жизнь — и, возможно, это было самым мудрым решением — отказывался открыто полемизировать с Марксом или даже просто его цитировать. В Германии «марксистские подходы» вычищались из ядра социальных наук или отделялись от него, причем гораздо безжалостнее, чем на родине капитализма, в Великобритании и США, где такие понятия, как «капитализм» или «класс», всегда входили в повседневный язык социальных наук. Достаточно ознакомиться с по-

современных обществ даже приблизительно невозможно понять без использования ключевых терминов, восходящих к марксистской традиции, — и эта тенденция будет лишь усиливаться по мере того, как капиталистическая рыночная экономика становится движущей силой формирующегося глобального общества.

В своих размышлениях о кризисе демократического капитализма я намеренно стремился к написанию полотна широкими мазками. В центре моего внимания — контекст и последовательность, сами же события отодвинуты на второй план; грубые обобщения здесь важнее тонких различий; рассматриваются не столько события, сколько взаимосвязи между ними; синтез предшествует анализу; дисциплинарные границы без особой нужды не очерчены. Аргументация захватывает широкие отрезки времени: от волны забастовок в конце 1960-х годов до введения евро; от прекращения инфляции в начале 1980-х годов до резкого роста неравенства по доходам в конце столетия; от политики сдерживания (*containment policy*) эпохи еврокоммунизма до нынешнего фискального кризиса средиземноморских стран и многое другое. Вероятно, что-то может быть опровергнуто при более глубоком специальном исследовании; это неизбежный риск обзорного анализа текущих событий, и я к нему готов. Но, конечно же, я очень надеюсь на то, что в конечном счете большая часть книги все же выдержит проверку.

Книга поделена на три части, соответствующие прочитанным лекциям. Это привело к определенным перекосам и порой неожиданным повествовательным зигзагам, чего, конечно, не случилось бы в систематически выстроенном

пулярными программными работами американской «теории модернизации» 1950–1960-х годов — таких как Ростов [Rostow, 1990 (1960)] или Керр [Kerr, 1960], — чтобы увидеть, насколько естественным было для академико-политического сообщества мировых капиталистических держав обращение (иногда корректное, иногда не очень) к ключевым понятиям марксистской политической экономии.

книжном тексте. Впрочем, не исключено, что такой текст стал бы менее читабельным. Цифры и факты, которые я приношу в качестве доказательств и иллюстраций, достаточно хорошо известны, по крайней мере в специализированной литературе; мой вклад, если таковой имеется, заключается в их упорядочении относительно широкого историко-теоретического контекста. Каждая из моих трех лекций длилась не более часа, поэтому при подготовке книги для большей ясности материал был дополнен и расширен. Пытаясь избежать слишком частого вмешательства в поток текста, я использовал сноски — нередко для того, чтобы процитировать замечательно прямолинейные сообщения из «The New York Times» или поделиться особенно гротескными случаями, узнавая которые не знаешь, смеяться или плакать над тем, что стало казаться нормальным. Иногда я использую сноски и для того, чтобы высказать какую-то наиболее рискованную (но оттого потенциально не менее продуктивную) гипотезу, не решаясь включить ее в основной текст как полноправного претендента на цитирование.

Итак, «Купленное время» состоит из трех глав. Первая глава начинается с краткого обзора взаимосвязей (очевидных уже почти для всех) между финансовым кризисом, кризисом налоговой системы и кризисом роста — этому хитросплетению взаимосвязей тем не менее до сих пор удастся успешно противостоять любому кризисному менеджменту и загадывать политикам нескончаемые загадки. Затем я перехожу к теориям 1970-х годов, заявлявших о надвигающемся «кризисе легитимации» «позднего капитализма», и пытаюсь понять, почему они оказались слабо подготовлены к тем социальным трендам, которые в последующие десятилетия опровергли все их догадки. Один из таких трендов — длительный разворот от социального капитализма послевоенного времени к неолиберализму начала XXI в. Далее я обрисовываю, как кризис, диагностированный в 1970-х годах,

развивался на самом деле, принимая со временем все новые формы, пока не достиг в 2008 г. своего нынешнего вида.

Вторая глава книги посвящена кризису государственных финансов — его причинам и последствиям. Она начинается с критики теорий в русле институциональной экономики, связывающих рост государственного долга с 1970-х годов с избыточной демократизацией и утверждающих, что на самом деле его следует считать одним из проявлений неолиберальной трансформации, или «инволюции» [Agnoli, 1967] демократического капитализма, возникшего после 1945 г. Именно эта тенденция актуализировала тот самый «кризис налогового государства» (*Steuerstaat*), о котором так много говорили во времена Первой мировой войны [Schumpeter, 1953 (1918)]. Далее я рассматриваю «государство долгов» (*Schuldenstaat*) как реальное институциональное образование, сменившее не позднее 1980-х годов классическое налоговое государство. При этом меня интересуют прежде всего отношения между государством долгов и классовой структурой, т.е. распределением жизненных шансов в обществе, а также конфликты и властные отношения между гражданами и «рынками» в социально-политическом контексте государства долгов. Вторая глава заканчивается обсуждением *международных аспектов* (роль их, как обычно, наиважнейшая) долгового государства, а также роли международной финансовой дипломатии в управлении им.

Наконец, в третьей главе мы обратимся к политико-организационной форме, которая приходит на смену государству долгов, — я называю ее «государством консолидации» (*Konsolidierungsstaat*). В силу обстоятельств его появление в Европе неразрывно связано с процессами европейской интеграции, которая вот уже определенное время работает как механизм либерализации европейских экономик. В моем анализе государство консолидации описывается как европейский многоуровневый режим управления,

а процесс фискальной консолидации в нем подразумевает фундаментальное переустройство европейской государственной системы. Глава завершается размышлениями о возможностях и ограничениях политической оппозиции против этой реструктуризации.

В заключительной главе я кратко обобщаю сказанное и — опираясь отчасти на материалы публичных дискуссий лета и осени 2012 г. и имея в виду прежде всего Европейский валютный союз и будущее евро — предлагаю вариант ответа на кризис, который, не исключено, замедлит капиталистическую экспансию (или попросту «глобализацию») и тем самым сохранит возможность демократического контроля над «рынками».

Глава 1

От кризиса легитимации к фискальному кризису

МНОГОЕ свидетельствует о том, что заявления о несостоятельности франкфуртских неомарксистских теорий кризиса 1960–1970-х годов, прозвучавшие в последующие десятилетия, оказались поспешными. Вероятно, трансформация и смена такой крупной общественной формации, как капитализм, требует больше времени, чем хватает терпения у теоретиков кризиса, которые хотели бы еще при жизни узнать, верны ли оказались их теории. К тому же социальные изменения порой описывают такие причудливые обходные петли — которых теоретически вообще не должно быть, — что объяснить их возможно (если вообще возможно) только задним числом и *ad hoc*. Во всяком случае, я считаю, что кризис, в котором капитализм застрял сегодня, в начале XXI в., — кризис и экономический, и политический, — можно понять, только если рассматривать его как кульминацию развития, начавшегося в середине 1970-х годов, — а теории кризиса того времени и стали первыми попытками интерпретировать эту линию развития.

Теперь уже неоспоримо, что 1970-е годы стали поворотным этапом¹: в этот период завершились процессы восста-

¹ Относительно Федеративной Республики Германия, наряду со множеством прочих, см. особенно работы: [Doering-Manteuffel, Raphael, 2008;

новления после войны, наметился распад международной валютной системы (до того момента фактически выполнявшей функцию политического мирового порядка послевоенного времени [Ruggie, 1982]), возвратились кризисоподобные явления и пробуксовки хозяйственной деятельности в ходе капиталистического развития.

Вдохновленная идеями марксизма, франкфуртская социология оказалась лучше прочих подготовлена к тому, чтобы на интуитивном уровне почувствовать политический и экономический драматизм того времени. И все же ее попытки вписать тогдашние отклонения — начиная от волны забастовок 1968 г. [Croch, Pizzorno, 1978] до первого так называемого «нефтяного кризиса» — в широкий исторический контекст развития современного капитализма вскоре были почти забыты, равно как и практические амбиции, в которых теория кризиса неизбежно увязывалась с критической теорией. Произошло слишком много всего неожиданного. Теория позднего капитализма [Habermas, 1973; 1975; Offe, 1972b; 1975] пыталась заново определить точки напряжения и разрывов в политической экономике современности. Однако направление, которое приняло это развитие, а также предполагаемые варианты решения незаметно выскользнули из выбранной теоретической системы координат. Думается, одной из проблем теории было то, что она трактовала «золотые годы» послевоенного капитализма как период совместного технократического управления, объединившего правительства и крупные корпорации, — их сеть опиралась на принципы стабильного роста и стремление к окончательному преодолению системных кризисных явлений в экономике капитализма. Во главу угла теория ставила не техническую управляемость современного капитализма,

Raithel, 2009]. О западном мире в целом см., например: [Judt, 2005; Glyn, 2006], а также отчет Трехсторонней комиссии об «управляемости» демократий [Crozier, 1975].

а его социальную и культурную *легитимацию*. В результате, недооценивая капитал как политического актора и стратегическую силу, но при этом переоценивая способность правительств к действиям и планированию, сторонники описанного подхода подменили экономическую теорию теориями государства и демократии и заплатили за это, лишившись в своем аналитическом арсенале ключевых постулатов марксистского наследия.

Теория кризиса образца 1968 г. оказалась плохо или вообще никак не подготовленной к трем главным аспектам развития того времени. Во-первых, в ходе неолиберальных попыток оживить динамику капиталистического накопления посредством разнообразных механизмов дерегулирования, приватизации и расширения рынков капитализм начал стремительно и весьма успешно возвращаться к «саморегулируемым» рынкам. Все, кому довелось наблюдать это в 1980–1990-е годы в непосредственной близости, довольно скоро столкнулись с трудностями, которые таит понятие позднего капитализма². Во-вторых, та же участь постигла ожидания кризиса легитимации и кризиса мотивации. Еще период 1970-х годов стал свидетелем массового и скорого культурного одобрения образа жизни, приспособленного к рынку и обусловленного им, — особенно выразительно оно проявилось, например, в энтузиазме женщин по поводу «отчужденного» наемного труда, а также в разросшемся сверх всяких ожиданий обществе потребления [Streeck, 2012a]. И наконец, в-третьих, экономические кризисы, сопровождавшие переход от послевоенного капитализма к неолиберальному капитализму (в частности, высокий уровень инфляции

² Отчего это понятие планомерно модифицировалось и постепенно лишалось своей апокалиптической коннотации. Оглядываясь назад, Клаус Оффе говорит о «терминологической ошибке» [Оффе, 2006а], ставшей особенно очевидной, когда после 1989 г. выяснилось, что адекватной альтернативы капитализму не наблюдается, и речь может идти только лишь о его регулировании, но не о его преодолении.

в 1970-х годах и государственный долг в 1980-х), для теории кризиса легитимации оставались, скорее, маргинальными³ в отличие от объяснения инфляции в духе Дюркгейма (как проявления аномии вследствие конфликта распределения ресурсов) [Goldthorpe, 1978] или таких авторов, как Джеймс О'Коннор, который еще в 1960-х годах предсказал, хотя и в категориях ортодоксального марксизма, «фискальный кризис государства» и вытекающий из него революционно-социалистический союз объединившихся в профсоюзы служащих государственных учреждений и их клиентов из числа излишнего населения [O'Connor, 1972; 1973].

Ниже мне хотелось бы обрисовать историческую перспективу капиталистического развития начиная с 1970-х годов, в которой «восстание капитала» против послевоенной смешанной экономики будет увязано с широкой популярностью быстро растущих (после десятилетия 1970-х) рынков труда и рынков потребительских товаров, а также с чередой проявлений экономического кризиса, наблюдаемых с того момента и по сей день (и достигших своего пика в тройственном кризисе банковской системы, государственных финансов и экономического роста). В последней трети XX в., на мой взгляд, происходит «высвобождение» [Glyn, 2006] глобального капитализма: сопротивление владельцев (*Besitzer*) и распорядителей (*Verfüger*) капитала — класса «зависимого от прибыли» — закончилось их победой над разнообразными обязательствами, которые после 1945 г. вынужден был соблюдать капитализм, чтобы в условиях системной конкуренции вновь стать политически приемлемым. Этот успех и — вопреки всем ожиданиям — восстановление капиталистической системы в виде рыночной

³ Вероятно, потому, что в Германии, где возникла теория кризиса легитимации, экономический кризис ощущался не так остро, — можно вспомнить официальную правительственную риторику 1970–1980-х годов о «германской модели».

экономики я объясняю прежде всего государственной политикой, которая покупала время для поддержки сложившегося хозяйственного и общественного уклада. Последнее, в свою очередь, достигалось поощрением лояльности неолиберальному проекту общества, которое преподносилось как общество потребления (что просто немыслимо в теории позднего капитализма), — сначала с помощью роста денежной массы и инфляции, затем растущего государственного долга и, наконец, через свободное кредитование населения. Да, через какое-то время каждая из этих стратегий, исчерпавшись, выгорала — примерно так же, как и неомарксистская теория кризиса: подрывая принципы функционирования капиталистической экономики, требующей, чтобы ожидания «справедливого вознаграждения» оказывались важнее прочих. Все это неминуемо приводило к проблемам легитимации, возникающим то тут, то там, но не столько среди масс, сколько в среде капитала — в виде кризисов накопления, которые, в свою очередь, угрожали легитимации системы среди демократически настроенного населения. Преодолеть это, как я покажу в дальнейшем, было возможно только через дальнейшую либерализацию экономики и иммунизацию экономической политики против демократического давления снизу — чтобы вернуть в систему доверие «рынков».

Сегодня, оглядываясь назад, мы видим, что история кризиса позднего капитализма начиная с 1970-х годов представляет собой разворачивающееся нарастание старых фундаментальных противоречий между капитализмом и демократией — своего рода постепенное расторжение вынужденного брака, заключенного между ними после Второй мировой войны. По мере того как проблемы легитимации демократического капитализма превращались в проблемы накопления, для их решения стало требоваться дальнейшее освобождение капиталистической экономики от демократического вмешательства. Таким образом, массовая опора

современного капитализма переместилась из политического поля в рыночное, понимаемое как механизм выработки «страха и жадности»⁴, и все это в условиях все большего отделения экономики от массовой демократии. Я опишу это развитие как трансформацию кейнсианской политико-экономической институциональной системы послевоенного капитализма в неохайекианский режим.

Мой вывод будет таков: не исключено, что сегодня, в отличие от 1970-х годов, мы действительно переживаем конец политико-экономической формации послевоенного времени — тот самый конец, который предсказывали и даже лелеяли теории кризиса «позднего капитализма». Я уверен, дни привычной нам демократии сочтены — ее ждет стерилизация, на смену редистрибутивной массовой демократии придет урезанная комбинация правового государства и публичных развлечений. Этот процесс отделения демократии от капитализма путем отделения экономики от демократии — процесс *«де-демократизации капитализма»* путем *«деэкономизации демократии»* — после кризиса 2008 г. зашел уже довольно далеко как в Европе, так и повсюду в мире.

Однако вопрос о том, сочтены ли заодно и дни капитализма, следует оставить открытым. Институциональные ожидания, присущие трансформированной неолиберальной демократии, о том, чтобы обойтись без справедливого вмешательства рынка, никак несовместимы с капитализмом. Тем не менее, несмотря на все усилия по перевоспитанию, сохраняющиеся среди некоторых слоев населения смутные ожидания социальной справедливости могут помешать дрейфу к рыночной демократии в духе *laissez-faire* и даже послужить толчком к зарождению анархических протестных движений.

⁴ Согласно интерпретациям с позиций финансового капитализма, жадность и страх — основные поведенческие мотивы на рынках акций, а также в капиталистической экономике в целом [Shefrin, 2002].

Безусловно, старые теории кризиса не раз подчеркивали такую возможность. Вопрос в том, могут ли протесты подобного рода представлять опасность стабильности для маячащего на горизонте капиталистического «общества двух третей» или для глобальной «плутономии»⁵: разнообразные инструменты управления заброшенным «андерклассом», разработанные и испробованные прежде всего в США, кажутся вполне пригодными для экспорта и в Европу тоже. Поэтому ключевым мог бы стать вопрос о том, появятся ли в будущем — если от денежного допинга с его потенциально опасными побочными эффектами в какой-то момент придется отказаться — другие наркотики роста, которые позволят сохранить привычный порядок накопления капитала в богатых странах. Мы можем лишь строить предположения на этот счет, что я и сделаю в заключении этой книги.

КРИЗИС НОВОГО ТИПА

Вот уже несколько лет капитализм богатых демократических обществ переживает тройной кризис, и конца ему пока не видно: *банковский кризис*, *кризис государственных финансов* и *кризис реальной экономики*. Никто не ожидал — ни в 1970-х, ни в 1990-х годах, — что такое совпадение возможно. В Германии благодаря особым обстоятельствам⁶, которые

⁵ Это понятие был предложено исследовательским отделом Ситибанка, чтобы развеять страхи некоторых частных клиентов, испугавшихся, что их будущее благосостояние будет, как в кейнсианском мире, зависеть от материального благополучия широких масс [Citigroup Research, 2005; 2006].

⁶ Вопреки добрым советам всезнаек Германия отстояла свою промышленную базу и только в 1980–1990-х годах очень медленно начала строить «общество услуг» по американскому или британскому образцу. Поэтому после 2008 г. она смогла по-прежнему экспортировать товары без снижения их качества (например, автомобили премиум-класса и оборудование), оборачивая себе на пользу высокие темпы экономического роста в Китае и растущее доходное неравенство в разрываемых кризисом США. Кроме

сложилось более или менее случайно и казались, скорее, экзотическими, этот кризис долгие годы не замечали — лишь предостерегали от «кризисной истерики». В большинстве же других богатых демократий, включая Соединенные Штаты, кризис серьезно затронул жизнь нескольких поколений и к 2012 г. начал радикально трансформировать условия социального существования.

1. *Банковский кризис* проистекает оттого, что в «зафинансированном» («финансиализированном») капитализме западного мира слишком много банков выдали слишком много кредитов, государственных и частных, из которых неожиданно в какой-то момент большая часть оказалась просрочена. Поскольку ни один банк больше не может быть уверен, что банк, с которым он сегодня имеет дело, завтра не обанкротится, банки больше не хотят друг друга кредитовать⁷. К тому же их вкладчики в любой момент могут начать массовое изъятие депозитов в страхе лишиться своих

того, обменный курс евро внутри еврозоны был зафиксирован на отметке ниже, чем обменный курс отдельно взятой немецкой валюты. Впоследствии европейский финансовый и налоговый кризисы окажут еще большее давление на обменный курс евро.

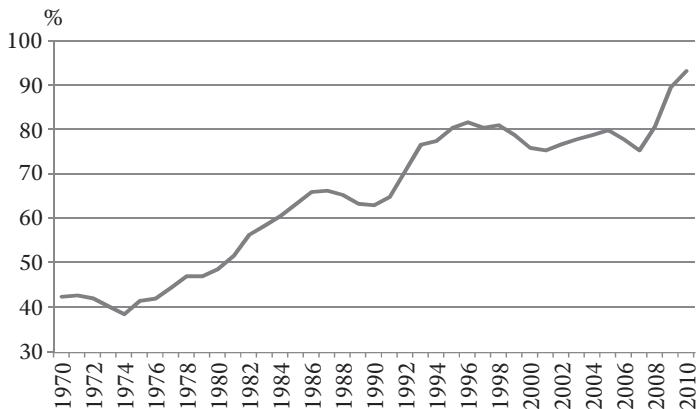
⁷ Природа банковского кризиса такова, что никакие статистические данные не могут отразить его истинные масштабы. Какие из выданных банком кредитов окажутся просроченными, наверняка не может знать и сам банк, а если он располагает такой информацией, то должен постараться не раскрывать ее (если только у него нет возможности передать обесценившиеся бумаги в банк проблемных активов, получающий поддержку государства). То же касается взаимного раскрытия информации о национальных банковских системах — правительства и международные организации могут лишь выдвигать предположения о их реальном состоянии. Публично представляемые результаты стресс-тестов, проведенных национальными или международными организациями, не могут быть надежными, поскольку заявление о проблемах неизбежно повышает вероятность того, что проблема выльется в кризис. Поэтому стресс-тесты, как правило, изначально построены таким образом, чтобы продемонстрировать успокаивающие результаты; хороший пример (или был таковым до недавнего времени) — ничем не примечательные европейские экспертные заключения о состоянии испанских банков.

накоплений. Кроме того, поскольку регулятор ожидает, что для сокращения рисков банки наращивают капитальный резерв пропорционально дебиторской задолженности, банки вынуждены сдерживать предоставление кредитов. Помочь в данной ситуации могло бы государство, взяв на себя просроченные кредиты, обеспечив неограниченное страхование вкладов и проведя рекапитализацию банков, и лучше, если бы оно сделало все это одновременно. Но для проведения такого «банковского спасения» необходимы астрономические суммы, а государства сегодня и без того перегружены долгами. И все же, если бы разорившиеся банки утянули за собой остальные, это могло бы оказаться не дешевле, а то и дороже. Но об этом можно только гадать — в этом суть проблемы.

2. *Фискальный кризис (кризис государственных финансов)* — результат бюджетного дефицита и растущего государственного долга, берущих начало в 1970-х годах (рис. 1.1)⁸, а также привлечения заемных средств, которое потребовалось после 2008 г. для спасения как финансового сектора (путем рекапитализации финансовых институтов и приобретения обесценившихся долговых ценных бумаг), так и реального сектора экономики (посредством налогового стимулирования). Повышенный риск неплатежеспособности государства в некоторых странах привел к увеличению стоимости старого и нового заемного капитала. Чтобы вер-

⁸ Динамика увеличения государственных долгов за четыре десятилетия по Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в целом приведена на рис. 1.1,а, на рис. 1.1,б — по семи избранным странам, за каждой из которых стоит особая группа: США и Великобритания — англосаксонские демократии с высокой степенью финансовализации, Швеция — представитель скандинавских демократий, Германия и Франция — крупные страны континентальной Европы, Италия — представитель Средиземноморья и Япония — развитое азиатское индустриальное общество. Поразительно, сколь незначительны различия между странами, особенно если не брать Японию с ее чрезвычайно высоким уровнем новых займов после того, как в конце 1980-х годов там лопнул пузырь на рынке недвижимости.

КУПЛЕННОЕ ВРЕМЯ

ПРИМЕЧАНИЕ. Приводится невзвешенная средняя по следующим странам: Австрия, Бельгия, Канада, Франция, Германия, Италия, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Великобритания, США.

Рис. 1.1, а. Государственный долг в % от ВВП, в среднем по странам ОЭСР, 1970–2010 гг.

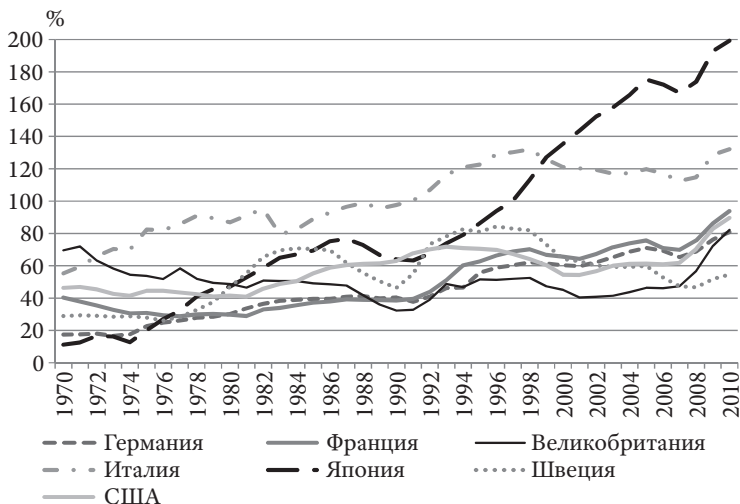

Рис. 1.1, б. Государственный долг в % от ВВП, по семи странам ОЭСР, 1970–2010 гг.

Источник: OECD Economic Outlook: Statistics and Projections.

нуть доверие рынков, правительства принимают жесткие меры, предписывая себе и своим гражданам режим строжайшей экономии, в том числе, как в Европейском союзе, контролируя друг друга вплоть до запрета на новые займы. Разумеется, это не помогает справиться с банковским кризисом и тем более преодолеть рецессию в реальном секторе экономики. Спорным остается даже вопрос о том, помогает ли режим жесткой экономии уменьшить долговую нагрузку, ведь он не только не способствует экономическому росту, но и, возможно, препятствует ему. А для сокращения государственного долга рост важен ничуть не меньше, чем сбалансированный бюджет.

3. Наконец, *кризис реальной экономики*, проявляющийся в высоком уровне безработицы и в экономической стагнации (табл. 1.1)⁹, отчасти объясняется тем, что компании и потребители испытывают трудности в получении банковских кредитов — поскольку многие из них уже и так погрязли в долгах, а банки не хотят рисковать и к тому же испытывают дефицит капитала, — правительства тем временем сокращают свои расходы, а если не помогает и это, то повышают налоги. Таким образом, экономическая стагнация усиливает фискальный кризис и — вследствие наступающего дефолта — приводит к кризису в банковском секторе.

Очевидно, что эти три кризиса тесно связаны: банковский кризис связан с фискальным через *деньги*, банковский

⁹ Для подробного обсуждения последствий банковского и фискального кризисов для реального сектора экономики требуется отдельное исследование, выходящее за рамки компетенций автора настоящей работы. На рис. 1.2 показаны экономическая стагнация и даже спад ВВП по отдельным странам (исключение в списке составляют Германия и Швеция) на протяжении пяти лет после 2007 г. — последнего предкризисного года. Особенно серьезное положение сложилось в кризисных странах Европы (в Греции, Ирландии, Португалии и Испании), где рецессия сопровождалась падением уровня занятости и ростом безработицы. Картина, которую мы можем наблюдать в Великобритании и Соединенных Штатах, немного лучше.

ТАБЛИЦА 1

Последствия кризиса 2008 г. для реального сектора экономики
семи стран

		<i>2005 г.</i>	<i>2006 г.</i>	<i>2007 г.</i>	<i>2008 г.</i>	<i>2009 г.</i>	<i>2010 г.</i>	<i>2011 г.</i>
Германия	ВВП	100,0	103,9	107,4	108,3	102,8	106,4	109,7
	Занятость	65,5	67,2	69,0	70,1	70,3	71,1	72,5
	Безработица	11,2	10,3	8,7	7,5	7,7	7,1	5,9
Франция	ВВП	100,0	102,7	105,0	104,7	102,0	103,4	105,2
	Занятость	63,7	63,6	64,3	64,9	64,0	63,8	63,8
	Безработица	8,9	8,8	8,0	7,4	9,1	9,4	9,3
Италия	ВВП	100,0	102,3	103,9	102,6	97,0	98,7	99,2
	Занятость	57,6	58,4	58,7	58,8	57,5	56,9	57,0
	Безработица	7,7	6,8	6,1	6,7	7,8	8,4	8,4
Япония	ВВП	100,0	101,7	103,9	102,8	97,1	101,4	100,7
	Занятость	69,4	70,1	70,9	71,1	70,5	70,6	71,2
	Безработица	4,4	4,1	3,8	4,0	5,1	5,1	4,6
Швеция	ВВП	100,0	104,6	108,1	107,3	102,0	107,9	112,2
	Занятость	72,3	73,1	74,2	74,3	72,2	72,7	74,1
	Безработица	7,5	7,1	6,2	6,2	8,3	8,4	7,5
Велико- британия	ВВП	100,0	102,6	106,2	105,0	100,4	102,5	103,2
	Занятость	71,8	71,6	71,5	71,5	69,9	69,5	69,5
	Безработица	4,8	5,4	5,3	5,6	7,6	7,8	8,0
США	ВВП	100,0	102,7	104,6	104,3	100,6	103,7	105,5
	Занятость	71,5	72,0	71,8	70,9	67,6	66,7	66,6
	Безработица	5,1	4,6	4,6	5,8	9,3	9,6	9,0
Греция	ВВП	100,0	105,5	108,7	108,5	105,0	101,3	94,3
	Занятость	60,1	61,0	61,4	61,9	61,2	59,6	55,6
	Безработица	9,9	8,9	8,3	7,7	9,5	12,5	16,0
Испания	ВВП	100,0	104,1	107,7	108,7	104,6	104,5	105,3
	Занятость	64,3	65,7	66,6	65,3	60,6	59,4	58,5
	Безработица	9,2	8,5	8,3	11,3	18,0	20,1	20,3

Окончание табл. 1

		2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Португалия	ВВП	100,0	101,4	103,8	103,8	100,8	102,2	100,6
	Занятость	67,5	67,9	67,8	68,2	66,3	65,6	64,2
	Безработица	7,7	7,7	8,0	7,6	9,5	10,8	11,7
Ирландия	ВВП	100,0	105,3	110,8	107,5	100,0	99,5	100,2
	Занятость	67,5	68,5	69,2	68,1	62,5	60,4	59,6
	Безработица	4,8	4,7	4,7	5,8	12,2	13,9	14,6

Источник: [OECD, 2012].

и кризис реального сектора экономики — через *кредиты*, а фискальный и кризис реального сектора экономики — через *государственные расходы и доходы*. Они постоянно усугубляют друг друга, несмотря на то что их масштаб, серьезность и степень взаимозависимости варьируются от страны к стране. Кроме того, между странами прослеживается разностороннее взаимодействие: обанкротившиеся банки в одной стране могут увлечь за собой зарубежные банки; рост процентных ставок по государственным облигациям, вызванный неплатежеспособностью какой-либо страны, может разрушить финансовую систему многих других стран; национальная экономическая активность или ее резкий спад имеют международные последствия и т.д. В Европе, как мы увидим, институциональная система валютного союза придает сотрудничеству и взаимодействию особую форму и динамику.

Нынешнему кризису капиталистических демократий летом 2012 г. исполнилось уже четыре с лишним года. Он совершенно неожиданным образом постоянно меняет свой облик, при этом на первый план выдвигаются новые страны и новые комбинации проблем. Никто не знает, что будет дальше; темы меняются от месяца к месяцу, иногда даже от недели к неделе, но почти всегда в какой-то момент они воз-

вращаются вспять и повторяются. Политические действия сопряжены с широчайшим спектром непредсказуемых побочных эффектов — комплексность как она есть. Решая одну проблему, правительство порождает новую; при выходе из одного кризиса усугубляются другие кризисы — на месте одной отрубленной головы у гидры вырастают две. Слишком многое необходимо охватить одновременно; поспешно лепятся временные заплатки, встающие на пути долгосрочных решений; к реализации долгосрочных решений даже не подступаются, поскольку текущие проблемы постоянно требуют скорейшего разрешения; повсюду рвется, и усилия по латанию одной дыры ведут к появлению новых дыр. Никогда со времени Второй мировой войны правительства западных капиталистических стран не выглядели столь беспомощными, никогда под маской хладнокровия и безупречной политической выучки не скрывалось так много обезображенных паникой лиц.

ДВЕ НЕОЖИДАННОСТИ ДЛЯ ТЕОРИИ КРИЗИСА

В неомарксистских франкфуртских теориях кризиса 1968 г.¹⁰ не фигурируют банки и финансовые рынки. И в этом нет ничего удивительного, ибо тогда никто не мог предвидеть «финансиализацию» капитализма. Но в этих теориях также ничего не было сказано и об экономических циклах, кризисах роста и о границах роста, о недопотреблении или перепроизводстве. Возможно, это связано с желанием избежать экономического детерминизма, к которому склонны столь многие марксистские течения, особенно ортодоксальный

¹⁰ Ниже я намеренно буду опираться на то, что между этими теориями общего, а не на их очевидные различия, поскольку последние кажутся слишком незначительными в сравнении с тем, куда в действительности пошло развитие годы спустя. И только эта разница между теорией и реальностью представляется мне здесь важной.